

Когда Цзян Цзынянь примчался на место, было уже слишком поздно.

Действия Бай Хунцина были невероятно стремительны.

Цзян Цзынянь успел заметить лишь легкую пыльцу, парившую в воздухе.

Вокруг этой пыльцы разливалось слабое белое сияние...

Обратились в пепел...

Сердце Цзян Цзыняня пронзила боль. Вина и раскаяние, смешанные с внезапно вспыхнувшей ненавистью к стоящему перед ним человеку, заставили его лицо окончательно помрачнеть.

Такие методы обрекали человека... на вечные муки без надежды на перерождение...

В тот самый момент, когда Бай Хунцин увидел его, в его глазах мелькнуло легкое удивление.

Но прежде чем Бай Хунцин успел что-либо сказать, Цзян Цзынянь высвободил всю свою силу и яростно бросился на него.

Хотя духовной энергии в этом теле было крайне мало, и ему было суждено всю жизнь оставаться в стороне от могущественных культиваторов, во время своих прежних заданий он успел соприкоснуться с самыми разными техниками и приемами со всего мира. Более того, исполняя роли в прошлых миссиях, он довел практически каждую технику до совершенства...

Пути демонов, пути бессмертных, путь меча — все эти приемы и стойки были высечены в его памяти...

Хотя сейчас его уровень культивации был низким, охватившее его пламя гнева позволило ему высвободить силу, значительно превосходящую его нынешние возможности, и Бай Хунцин какое-то время не мог справиться с ним.

Во-первых, Бай Хунцин вовсе не хотел по-настоящему ранить его, а потому постоянно сдерживался. Во-вторых, движения Цзян Цзыняня были настолько разнообразными и причудливыми, что Бай Хунцин даже не подозревал о наличии у него стольких боевых искусств, поэтому поначалу в его действиях сквозило любопытство и проверка.

Но чем дольше продолжалась эта проверка, тем сильнее росло изумление Бай Хунцина.

Техники и движения Цзян Цзыняня причудливо переплетались: в них не было до конца ни бессмертного света, ни демонической тьмы.

Если бы Бай Хунцин подавил всю свою культивацию и сошелся с ним в бою, полагаясь исключительно на мастерство приемов, еще неизвестно, кому досталась бы победа.

Бай Хунцин издавна слыл редчайшим гением Бессмертного Мира, каких не рождается и за десять тысяч лет, и людей, способных заставить его взглянуть на себя с уважением, почти не осталось.

Но сейчас в сердце Бай Хунцина зародилась настороженность по отношению к Цзян Цзыняню.

Он понятия не имел, через что пришлось пройти его младшему брату за те несколько лет, пока тот отсутствовал, но было очевидно, что братец вовсе не так прост, как он воображал.

Бай Хунцин смутно чувствовал, что за этим братом кроется какая-то тайна.

Именно эта тайна полностью стерла его прежнее своеобразие и ребячливость, превратив в того самого человека, который теперь казался Бай Хунцину столь чуждым.

Они сошлись в схватке прямо в воздухе, да так яростно, что окружающие барьеры начали едва заметно искажаться.

Бай Хунцин прищурился, глядя на Цзян Цзыняня. Одной рукой он поймал лезвие, нацеленное ему в лицо, а другой придавил плечо Цзян Цзыняня.

Ты хочешь убить меня? — В его слегка прищуренных глазах сверкнул опасный блеск.

Он приложил совсем немного усилия и переломил клинок в руке Цзян Цзыняня.

Та женщина собиралась забрать тебя у меня, но я убил ее, и теперь мы сможем быть вместе вечно.

Говоря о Сяо Цин, которую он только что убил, он выглядел точно так же, как и тогда, когда расправился с той маленькой птичкой, — в его глазах стояло полное равнодушие.

В этот самый миг прижатый к земле Цзян Цзынянь мгновенно взмыл вверх, целясь прямо ему в лицо. Едва Бай Хунцин отразил эту атаку, как из рукава нападавшего внезапно блеснул холодный свет.

Бай Хунцин замер. Острый клинок вошел ему прямо в грудь.

Он почувствовал легкую боль.

Кровь постепенно пропитывала белые одежды на его груди.

Глядя на Цзян Цзыняня, Бай Хунцин неожиданно усмехнулся.

Ты и вправду собрался убить меня...

Бай Хунцин ощутил, как из глубины сердца поднимается боль разрывающейся духовной души.

Этот клинок, разумеется, не был простой смертной вещью.

Эта штука изначально была последним козырем Цзян Цзыняня, и он вовсе не планировал раскрывать ее так рано.

Но смерть Сяо Цин окончательно открыла ему глаза: между ним и этим человеком больше не осталось ни единой возможности для примирения...

...В чем была вина Сяо Цин? Но он стер ее в порошок...

Бай Хунцин сделал несколько шагов вперед, и от потери крови его лицо слегка посветлело.

Ты хочешь убить меня...

Бай Хунцин слабо улыбнулся, а крови на его груди становилось всё больше.

Когда-то давно Бай Хунцин был готов умереть ради младшего брата.

Тогда он делал это по собственной воле.

Поэтому, когда братец бросил лишь одно слово, он прошел через девять кругов ада, чтобы подняться на обрыв и сорвать Мак Хвоста Феникса. И даже когда после этого младший брат на глазах у толпы насмехался над ним и издевался... он ни о чем не жалел.

Ради брата он был готов стерпеть любые муки.

Много лет назад он легко предал его из-за какого-то мужчины...

А теперь он собирается убить его из-за какой-то женщины.

Хорошо...

Хорошо...

Встретившись взглядом с мертвенно-бледным лицом Бай Хунцина, Цзян Цзынянь на мгновение замер и произнес: — Позволь мне уйти...

Цзян Цзынянь протянул руку и достал из рукава еще несколько клинков, тонких, как цикадиные крылья.

За те пятьдесят лет после перерождения Цзян Цзынянь выковал эти штуки специально для самообороны.

В конце концов... если бы Бай Хунцин не загнал его в угол...

Разве стал бы он жестоко ранить его...

Спрятав странный блеск в глазах, Цзян Цзынянь помрачнел и произнес: — Сними защиту, иначе...

Можешь попробовать, каково это... на вкус лезвия, что остались у меня в руках.

Хотя сейчас Цзян Цзынянь казался внешне невозмутимым и спокойным, лишь он один знал, что рука, сжимающая клинки, на самом деле слегка подрагивает.

Если ему и удалось ударить Бай Хунцина в первый раз, то лишь потому, что тот неизменно сдерживался перед ним...

Возможно, это сдерживание объяснялось огромной силой самого Бай Хунцина, который смотрел на Цзян Цзыняня с легким игривым интересом и испытывал его...

А может быть, потому... что он вовсе не собирался причинять ему вред...

Он во всем проявлял мягкость к нему, но сам Цзян Цзынянь действительно жаждал его смерти.

Если эта отчаянная попытка провалится...

Цзян Цзынянь знал, что тогда он проиграет окончательно и бесповоротно...

Холодным взглядом окинув Бай Хунцина, Цзян Цзынянь напряг каждый мускул в теле, готовясь в любую секунду перейти в атаку.

Но Бай Хунцин, казалось, вовсе не слышал его угроз.

Тем временем окружающие массивы и формации, задетые ударной волной их духовной энергии, постепенно обнажали свой истинный облик.

Обугленная земля, голые стволы деревьев.

На сумрачном небосклоне проступила багровая кровавая черта — она напоминала висевшую далеко на горизонте окровавленную косу.

Бай Хунцин стоял неподвижно, и его белые одежды по-прежнему оставались чистыми, словно снег на вершинах небесных гор.

Его черные волосы слегка развевались на ветру, касаясь бледного, подобного лотосу лица.

Губы его стали еще белее. Глядя на Цзян Цзыняня, он смотрел на него с бесконечной нежностью.

Ты ведь только что говорил, что хочешь остаться со мной до конца своих дней.

Ты ведь только что говорил, что любишь меня.

Эта нежность на его лице заставила Цзян Цзыняня вспомнить юношу в белых одеждах из далекого прошлого.

Тогда Бай Хунцин всегда смотрел на него именно так.

В его глазах всегда жило такое тепло, которое, казалось, способно растопить любое сердце.

Но теперь в глазах этого человека остался лишь ледяной мрак, куда не проникал даже солнечный свет.

Подняв взгляд и встретившись с ним глазами, Цзян Цзынянь хрипло произнес:

...Я соврал.

Короткая фраза — но она заставила Бай Хунцина вновь увидеть холодное, равнодушное лицо перед собой.

Много лет назад.

Когда Бай Хунцина после всего случившегося силой вернули в Семью Бай, он издалека заметил младшего брата в толпе.

Младший брат тогда смотрел на него точно так же.

В его взгляде читалось одно лишь безразличие.

Словно те полгода в Секретном царстве были лишь плодом его собственного воображения...

Если бы тогда Бай Хунцин заметил на его лице хоть тень боли... или хоть капельку раскаяния...

Он бы простил его...

Тогда, даже разрывая сердце от боли... он, возможно, согласился бы умереть просто потому... что таково было желание младшего брата...

Но в тот момент глаза, которыми тот смотрел на него, были невероятно холодными.

Этот взгляд окончательно сокрушил те крупы мягкости, что еще теплились в душе Бай Хунцина, ивергся его в бездну полного отчаяния...

Как... как я мог добровольно захотеть провести с тобой всю жизнь?

Услышав эти слова, Бай Хунцин невольно тихонько усмехнулся.

Тогда младший брат так легко предал его ради какого-то мужчины.

Тот самый удар был больнее всего, превратив его сердце в кровавое месиво.

А теперь клинок Цзян Цзыняня пронзил его грудь, но уже не смог дотянуться до глубины его сердца.

Бай Хунцин больше никогда не испытает боли от чьего-либо предательства.

Он уже говорил: он больше никому не позволит предать себя и уйти.

Поэтому, прежде чем Цзян Цзынянь успел опомниться, Бай Хунцин внезапно оказался прямо перед ним.

Он перехватил его руки.

Пока Цзян Цзынянь стоял в оцепенении, Бай Хунцин мягко улыбнулся ему.

В тот же миг испуганные птицы взметнулись стаей из лесной чащи.

По лесу прокатился пронзительный крик...

<http://bllate.org/book/24977/2953708>